

забвенному и самоотверженному чувству. Именно поэтому ее душа возносится на небеса, попрежнему недоступные Демону:

Она страдала и любила —
И рай открылся для любви.

Понятие небес здесь раздваивается, как раздваивается и понятие бога, как в ином качестве предстает и ангел, уносящий душу Тамары.

Это раздвоение понятий встречается не у одного Лермонтова, оно имеет свой источник в самой романтической литературе. В самом деле, если для революционных романтиков типа Байрона, Шелли и др. небеса представляются обителью коварного и жестокого бога, то для большинства романтиков — не исключая и некоторых прогрессивных (напр. Гюго) — они служат символом подлинного добра, красоты, благородства и т.д. Вот в таком качестве, как обитель идеала, как что-то, стоящее выше самого Демона и недоступное ему, рисуются небеса в финале поэмы. В них оказывается место не только для равнодушного и холодного бога, о котором говорит Демон героине, но и для благородного творца, создающего «из лучшего эфира» существа, подобные Тамаре. При этом как бог не рассматривается в поэме в прямом — непосредственно религиозном — плане, так и мелькающее упоминание об этом творце, разумеется, не несет в себе ничего от религии. В целом — небо, творец, ангел — выступают в поэме как очень отвлеченный и очень туманный символ идеала — в смысле той подлинной красоты, того подлинного добра, той подлинной истины, к которым тщетно стремился Демон. Демон не нашел их, он не сумел уверовать в их существование, но для его создателя оно бесспорно. Именно это и позволяет ему так глубоко понять и так верно раскрыть сам образ Демона.

Неясность и абстрактность изображения идеала, даже кажущееся противоречие, вызванное совпадением некоторых важнейших понятий (небо в качестве обители ложного добра — и небо как обитель добра истинного) получают свое объяснение и разрешение, если мы учтем своеобразие избранного Лермонтовым жанра — жанра романтической поэмы с ее отвлеченным, символическим, неясным изображением многих сторон действительности.

Выбор же этого жанра, в свою очередь, оказывается закономерным в условиях той эпохи, когда творил Лермонтов — переходной эпохи 30-х гг., когда «старое разрушено, а нового еще нет» (Белинский), когда положительный идеал еще так смутен, так неясен, когда сама жизнь, действительность не дает реальных возможностей для его яркого и конкретного воплощения.

Однако, если романтический характер поэмы и обусловившая его эпоха ставили поэту известные преграды на пути изображения некоторых сторон действительности, то они же обусловили и силу раскрытия других ее сторон.

Очень ясно убеждает в этом сравнение «Демона» с произведениями Пушкина, и прежде всего с его поэмой «Цыганы». Разоблачая демонического героя, показывая его ограниченность, Лермонтов, несомненно, идет вслед за Пушкиным. Но при этом он остается самим собой. Пушкина, движущегося от романтизма к реализму, интересует в «Цыганах» в первую очередь раскрытие — как можно более объективное и всестороннее — типа «герся времени» (как называл предшественника Алеко, Пленника, Белинский). Для